

Священник Николай Кадура

Почему князя допускали физическую расправу над русскими митрополитами в XIV в.? Сходство событий 1358 и 1378 гг.

УДК 94(470)+271.2-9
DOI 10.47132/1814-5574_2024_2_244
EDN NMCKUX

Аннотация: В статье автор обнаруживает взаимосвязь между двумя сюжетами: избиением свт. Алексия князем Ольгердом в Киеве в 1358 г. и избиением свт. Киприана князем Дмитрием в Москве в 1378 г. Инцидент с митр. Алексием явился высшей точкой его конфликта с литовским князем, начало которому было положено прославлением трех литовских мучеников. Автор параллельно рассматривает историографию вопроса почитания и прославления указанных мучеников как на Руси, так и в Византии. Кроме прочего, в статье рассмотрена историко-ведческая проблема обоих сюжетов, ведь первый описан только в соборном деянии 1381 г., а второй – во втором послании митр. Киприана 1378 г. Рассматривая второе послание свт. Киприана, автор признает влияние великорусской «монашеской партии» на момент конфликта несколько преувеличенным. Взаимосвязь рассматриваемых в статье сюжетов, по мнению автора, подтверждается и последующими событиями.

Ключевые слова: митрополит Алексей, митрополит Киприан, Ольгерд, Дмитрий Донской, виленские мученики, великорусская монашеская партия.

Об авторе: **Священник Николай Дмитриевич Кадура**
Аспирант Санкт-Петербургской духовной академии.
E-mail: koliama90@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-2845-3238>

Для цитирования: Кадура Н., свящ. Почему князя допускали физическую расправу над русскими митрополитами в XIV в.? Сходство событий 1358 и 1378 гг. // Христианское чтение. 2024. № 2. С. 244–252.

Статья поступила в редакцию 24.12.2023; одобрена после рецензирования 14.01.2024; принята к публикации 09.02.2024.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE [Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2

2024

Priest Nikolay Kadura

Why Did Princes Allow Physical Violence against the Russian Metropolitans of the 14th Century? Similarity of 1358 and 1378 Events

UDK 94(470)+271.2-9

DOI 10.47132/1814-5574_2024_2_244

EDN NMCKUX

Abstract: The article shows connection between the two plots: St. Alexy's being beaten by Prince Olgerd in Kiev in 1358 and St. Cyprian's being beaten by Prince Dmitry in Moscow in 1378. The incident with Metropolitan Alexy was the culmination of his conflict with the Lithuanian prince, which had begun with glorification of three Lithuanian martyrs. Presented is parallel analysis of the historiography of the issues of veneration and glorification of these martyrs in Russia and Byzantium. Apart from other things, considered is the source problem of both plots because the first one is described only in the conciliar act of 1381, while the second one is described in the second epistle of Metropolitan Cyprian of 1378. Analysis of the second epistle of Metropolitan Cyprian brings to the conclusion that the influence of the Great Russian "monastic party" at the time of the conflict seems to be somewhat exaggerated. The connection of the plots considered in the article is also confirmed by the subsequent events.

Keywords: Metropolitan Alexy, Metropolitan Cyprian, Algirdas, Dmitry Donskoy, Vilna martyrs, Great Russian monastic party.

About the author: **Priest Nikolay Dmitrievich Kadura**

Postgraduate student of St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: koliama90@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-2845-3238>

For citation: Kadura N., priest. Why Did Princes Allow Physical Violence against the Russian Metropolitans of the 14th Century? Similarity of 1358 and 1378 Events. *Khristianskoye Chteniye*, 2024, no. 2, pp. 244–252.

The article was submitted 24.12.2023; approved after reviewing 14.01.2024; accepted for publication 09.02.2024.

Перед нами два сюжета, традиционно рассматриваемые отдельно. Сюжет с избением свт. Алексия кн. Ольгердом в Киеве в 1358 г. и сюжет с насильственным выдворением свт. Киприана из Москвы кн. Дмитрием Донским в 1378 г. Несмотря на то, что события отстоят друг от друга на 20 лет, взаимосвязь между ними видна отчетливо. В обоих случаях князь применяет насилие к каноническому митрополиту, официально поставленному в патриархии, причиной же избений является месть за действия самого архиерея и «партии», стоящей за ним. Для понимания взаимосвязи данных историй необходимо погрузиться в контекст происходившего и понять мотивацию каждого из участников обоих конфликтов.

Первый сюжет является критической точкой в конфликте митр. Алексия и литовского князя Ольгерда. Что привело к ухудшению отношений митрополита и литовского господина? Могли ли эти отношения быть другими?

Практически с самого поставления русским митрополитом свт. Алексий активно занялся только великорусскими, а точнее сказать, московскими делами. Некоторые исследователи настаивают на том, что такая ориентация иерарха стала результатом его ссоры с юго-западными землями [Борисов, 2014, 107]. Однако сам факт того, что свт. Алексий был регентом при малолетнем кн. Димитрии, позволяет утверждать, что промосковский курс его церковной политики появился намного раньше. Желая не только политической, но и церковной независимости от Великой Руси, Литва добилась от патриархии поставления собственного митрополита Романа на забытую литовскую кафедру. Просуществовав семь лет, Литовская митрополия исчезла со смертью митр. Романа. Русско-литовское церковное единство было восстановлено только на бумаге, на деле же ни кн. Ольгерд не признавал свт. Алексия, ни свт. Алексий не интересовался делами юго-западных земель.

Что же послужило причиной такого невнимания митрополита к юго-западным епархиям? Только ли занятость свт. Алексия московскими делами или что-то еще? Были ли вообще какие-либо попытки со стороны митрополита проявить внимание к литовским землям? Насколько достоверны наши знания об этом?

Главной из причин, повлиявших на конфликт, на наш взгляд, явилось прославление виленских мучеников митр. Алексием, скомпрометировавшее литовского князя. Данный сюжет кажется общеизвестным, однако имеет ряд сложностей и нуждается в отдельном комментарии, который дан ниже. Итак, свт. Алексий после поставления в митрополиты выехал из Константинополя в Киев, где оказался зимой 1354–1355 г. [Борисов, 1988, 68]. По благословию Константинопольского патриарха митр. Алексий совершил в престольном граде местное прославление¹ трех виленских мучеников — Антония, Иоанна и Евстафия. Мы умышленно избегаем термина «канонизация» для рассматриваемой эпохи, ведь, будучи латинизированной транскрипцией греческого глагола со значением «узаконивать на основании правила», исторически он вводится в употребление западными богословами, и затем заимствуется Русской Церковью уже в синодальный период (см.: [Чурина, 2008, 165]). В связи с этим термин «канонизация» неприменим к Русской Церкви XIV в.

Свт. Алексий «за благословением патриарха устави святити день святых мученик литовских, апреля 14» [ПСРЛ XL, 2003, 130], — сообщает Густынская летопись. День почитания мучеников установлен, согласно летописи, в 1355 г. На подобной датировке также настаивают митр. Сильвестр (Косов) (см.: [Сінкевич, 2013]) и униатский архимандрит Ян Дубович². С другой стороны, имена виленских страстотерпцев находятся в списке русских святых, прославленных во время первой общерусской канонизации при свт. Макарии в XVI в.

Согласно мнению некоторых исследователей, само почитание (а не причисление к лику святых) виленских мучеников началось только после Московских церковных

¹ Для той эпохи было очевидно: прославляет не человек, а только Бог (см.: [Костромин, 2018, 193]).

² В труде «Hierarchia abo o zwierchności cerkwi bożej» («Иерархия, или о первенстве Божьей Церкви», 1644).

Соборов при митр. Макарии в 1547 и 1549 гг. Такой точки зрения придерживается, например, польский католический историк Казимеж Ходыницкий. В 1927 г. в свет вышла его большая статья «Происхождение и развитие легенды о трех виленских мучениках», опубликованная в журнале «Ateneum Wilenskie» [Chodynicki, 1927]. Исследователь заявляет, что почитание литовских мужей как святых началось лишь с сер. XVI в. Однако имеющиеся исторические свидетельства говорят об ином.

Литургическое почитание виленских святых мы находим в ряде текстов богослужебных книг, составленных значительно раньше сер. XVI в. Профессор МДА Д. П. Огицкий в статье «К истории виленских мучеников» приводит несколько прологов из Рукописного отдела Литовской Академии наук [Огицкий, 1984, 232], наглядно иллюстрирующих, что они были известны в Церкви как святые задолго до Макариевских Московских Соборов. Данный тезис подтверждают и опубликованные М. Н. Сперанским в 1909 г. сведения о «сербском» прологе XV в., также содержащем «Житие виленских мучеников» [Сперанский, 1909]. Существуют и другие доводы в пользу местного их почитания до сер. XVI в. Например, имена виленских мучеников упоминаются в надписях, выгравированных на нескольких драгоценных предметах, содержащих частицы их мощей. В музейных фондах хранятся два серебряных позолоченных ковчежца и один золотой крест, содержащие подобные надписи [Огицкий, 1984, 232].

Таким образом, польский историк Казимеж Ходыницкий ошибается в датировке начала церковного почитания виленских мучеников, относя его ко времени Московских Соборов сер. XVI в. [Дамаскин Орловский, 2015, 6–7]. Православные литовцы почитали мучеников Антония, Иоанна и Евстафия святыми намного ранее, хотя бы в 1355 г., как об этом говорит Густынская летопись.

Другой важной датой в вопросе о почитании виленских мучеников является 1374 г. В исследовании профессора Огицкого указаны сообщения славянских рукописных прологов о принесении частиц святых мощей литовских мучеников «в святейшую Божию церковь»³. Древнейшие тексты пролога⁴ содержат и датировку данного события: «Принесена же была и некоторая часть их святых мощей в святейшую и великую церковь в шесть тысяч восемьсот восемьдесят второй год от создания мира (1374 г. — *свящ. Н. К.*) нашему правящему святейшему патриарху, вселенскому владыке, патриарху Филофею во славу всех Царю и Богу нашему» [Сперанский, 1909, 30] (переведено нами). Частицы мощей пострадавших от кн. Ольгерда виленских мучеников через 27 лет после их кончины были торжественно перенесены в собор Святой Софии. Именно здесь, в Константинополе, и состоялось причисление их к лику святых. Случилось это не позднее 1374 г., в годы патриаршества свт. Филофея.

Таким образом, дату прославления виленских мучеников необходимо искать между 1355 и 1374 гг., т. е. между установлением их почитания в Литве митр. Алексием и торжественным внесением мощей в храм Святой Софии, однако для точной датировки рассматриваемого события не хватает точных данных.

Закономерен вопрос: если установление дня памяти виленским мученикам произошло в период между 1355 и 1374 гг., то что тогда происходило в Москве на Макарьевских Соборах 1547–1549 гг., ведь там тоже было установлено празднование виленским мученикам?⁵ Русские не признавали греческого прославления или, несмотря на прославление, не развилось почитания?

Для ответа на данные вопросы нам необходимо изложить собственные тезисы, касающиеся вопроса почитания и прославления литовских святых, с учетом всех

³ Имеется в виду Святая София Константинопольская (собор Святой Софии).

⁴ Белградская рукопись № 356, рукописная Минея Литовской Академии наук в Вильнюсе № 147, а также венская рукопись № 53.

⁵ Прежде всего стоит заметить, что в указах Московского Собора 1547 г. вовсе и нет упоминания о трех виленских мучениках. Их имена содержатся в перечне святых, возникшем, как думают, несколько позже, в результате объединения решений Собора 1547 г. о русских святых с решениями Собора 1549 г. о том же (см.: [Голубинский, 1903, 103]).

составляющих дискуссии, изложенных нами выше. В 1355 г. свт. Алексий посещает Киев и, вероятно, просто фиксирует местное народное почитание виленских мучеников. В течение следующего 19-летнего периода в Константинополе постепенно узнают о мучениках⁶ и признают их святость на уровне Вселенской патриархии при поддержке свт. Филофея [Мейендорф, 1983, 279]. Квинтэссенцией развития почитания виленских мучеников становится торжественное внесение их святых останков в собор Святой Софии. Пока активность в прославлении святых мучеников принадлежит только греческой стороне. Богослужбное почитание мучеников начинается также в Византии. Древнейший текст их жития (пролога) был изложен по-гречески и уже потом переведен на славянский язык, первоначальный текст службы святым также составлен на греческом. После «канонизации»⁷ в Константинополе почитание их как новоявленных святых Православной Церкви стало распространяться в славянском мире: в Византии, на Руси, в Балканских странах и, конечно же, на их родине — в Литве. Скорее всего, Соборы при свт. Макарии в 1547–1549 гг. установили почитание литовских мучеников как общерусских святых, т.е. продолжили дело греческого прославления на русской земле официальной «канонизацией», суть которой заключалась более даже не в признании их святыми, а в установлении им «соборного пения» [Мусин, 2013, 76]. О виленских мучениках, скорее всего, мало знали в Великой Руси и Литве, ведь самые ранние известные нам исторические свидетельства о них — вовсе не московского происхождения (см.: [Огицкий, 1984, 244]).

Таким образом, местное литовское почитание, постепенно получив признание в Константинополе, распространилось со временем и на Великую Русь, обретя здесь официальный богослужебно-литургический статус в 1547–1549 гг.

Почему вопрос прославления литовских мучеников весьма важен в контексте изучения конфликта митр. Алексия и кн. Ольгерда? Факт прославления не только являл верующим новых местных святых, но и компрометировал местного князя Ольгерда, по приказу которого святые и были казнены. Виленские мученики были убиты слугами князя по настоянию виленских жрецов за отступление от литовских народных обычаев. Приняв православие, страстотерпцы стали подражать русским людям своим внешним обликом — в одежде, стрижке волос и ношении бороды (см.: [Соколов, 1913, 355–360]). После их прославления, совершенного свт. Алексием, кн. Ольгерд представлялся гонителем христиан и врагом православия. Накаляло ситуацию и то, что события казни мучеников происходили на фоне обещаний великого князя литовского принять православие в случае поставления Романа в митрополиты.

Таким образом, канонизация виленских мучеников спровоцировала и без того проблемные отношения кн. Ольгерда и свт. Алексия на конфликт. Великий князь отныне воспринимал все действия митрополита как умышленно антилитовские.

Другим фактором, повлиявшим на рассматриваемый конфликт, был «спор великий» (патриарший суд) 1356 г. между свт. Алексием и литовским митрополитом Романом, в результате которого первый добился оставления Киева в своей⁸ юрисдикции, а за вторым остались лишь малорусские земли. Соборное решение не устранило проблему, а может быть, даже и усугубило ее. Митрополит Роман при военной и государственной помощи кн. Ольгерда стал добиваться своих территорий силой, а свт. Алексия оставалось лишь снова жаловаться патриарху. В момент наивысшей точки противостояния митрополит всяя Руси предпринимает попытку приехать в принадлежащий его юрисдикции⁹ Киев, незаконно управляемый литовским митрополитом.

В момент приезда свт. Алексий представляется кн. Ольгерду не просто личным врагом, но и политической угрозой на пути реализации проекта литовской

⁶ Немалая роль в распространении известия о новоявленных мучениках могла принадлежать тогда еще иеромонаху Киприану. Он сообщал о святых в тех странах, где нес свое церковное служение.

⁷ Термин неприменим к той эпохе и употребляется условно (об этом см. выше).

⁸ Юрисдикции митрополита всяя Руси.

⁹ Юридически, но не фактически.

митрополии. Насильственные методы, которые использует литовский князь, вполне характерны для рассматриваемой эпохи, однако в данном случае они применяются к высокопоставленному церковному лицу. О данном инциденте известно только из соборного деяния 1381 г. (см.: [Голубинский, 1900, 192]), русские летописи, говоря о поездке митр. Алексия, ничего не упоминают о произошедшем во время нее. «[Князь Ольгерд] изымал его (митр. Алексия. — *свящ. Н. К.*) обманом, заключил под стражу, отнял у него многоценную утварь, и может быть, убил бы его, если бы он, при содействии некоторых, не убежал тайно и таким образом не избежал от опасности», — так свидетельствует документ (цит. по: [Голубинский, 1900, 192]).

Симеоновская, Никоновская, Воскресенская и другие летописи сообщают об отправлении свт. Алексия в Киев зимой 1358 г. и возвращении в Москву в 1360 г., ничего не говоря о произошедшем в этот период. Почему русские летописцы молчат о столь ужасном событии, случившемся с их митрополитом?

Возможно, летописи, составляемые уже в контексте Москвы как сильного объединения центра Руси, не могли содержать описание ситуации, в которой русский митрополит оказывается беззащитным перед влиятельным литовским князем. Разумеется, можно было бы полагать, что московским летописцам, наоборот, выгоднее было бы привести данную ситуацию, чтобы очернить кн. Ольгерда и Литву. Однако такое предположение маловероятно. Симеоновская летопись пишется в кон. XV — нач. XVI в., Никоновская и Воскресенская — в XVI в., когда уже первенство Москвы в деле объединения русских земель очевидно, а Литва не является для нее сильным соперником. Для русских летописцев, вероятнее всего, выгоднее забыть столь неприятный инцидент, чем использовать для дискредитации бывших врагов.

Итак, вырвавшись из плена и вернувшись домой, митр. Алексий с горечью осознает, что отныне он не сможет быть настоящим общерусским митрополитом, никогда не сможет возглавлять всю Русскую Православную Церковь. Н. С. Борисов, рассматривая данный вопрос, отмечает, что программа «неделимой» киевской митрополии, которую он активно отстаивал в 50-е гг., оказалась несостоятельной [Борисов, 2014, 107]. Вначале опоры ее подбили греки поставлением митр. Романа, а потом и кн. Ольгерд избиением собственного митрополита. В сознании митр. Алексия происходит некий психологический слом, ведь, действительно, ему тяжело было осознавать, что как русский митрополит он больше не сможет посещать юго-западные земли, на территории которых находилась не менее чем половина всех тогдашних православных русских епархий. Произошедшая в душе митрополита перемена выразится в новом курсе его политики: в нач. 60-х гг. он станет во главе московского боярского правительства, сумеет пресечь внутренние распри и соберет воедино весь ресурс московской власти.

На наш взгляд, инцидент с избиением свт. Алексия имел и другое важное последствие. Он создал определенный прецедент, который через 20 лет повторился зеркально. На этот раз те же методы применял не литовский князь к «московскому» митрополиту, а московский князь к «литовскому». Речь идет о событии июня¹⁰ 1378 г., когда кн. Дмитрий Иванович приказал избить и ограбить свт. Киприана, окольными путями пробирающегося в Москву. О данном происшествии сообщает сам митр. Киприан в своем втором послании прпп. Сергию и Феодору от 23 июня 1378 г.: «он (кн. Дмитрий. — *свящ. Н. К.*) же пристави надо мною мучителя, проклятого Никифора. И которое зло остави, еже не сея надо мною! Хулы, и надругания, и насмехания, граблениа, голод! Мене в ночи заточил нагаго и голоднаго. И от тоя ночи студени и нынеча стражу. <...> А се ныне без вины мене обещестил, пограбил, заперев, держал голодна и нага, а черныци мои на другом месте... слуг моих нагих отслати велел с бещестными словесы. И хто может изрещи хулы, их же на мя изрекли! Се ли въездат мне князь великий за любовь мою и доброхотение?» (Киприан, 1978, 196, 200). В данном послании, которое имело публицистический характер, выше по тексту

¹⁰ Избиение митр. Киприана произошло между 3 и 23 июня 1378 г., о чем можно судить по дате посланий свт. Киприана русским игуменам прпп. Сергию и Феодору.

митр. Киприан подробно описывает свои дела по церковному благоустройству, совершаемые в Литве, а также свое доброе отношение к князю и его семье. Все это должно было сделать поступок князя еще более низким в глазах читателей — русских игуменов и «аще кто ин, единомудрен» с ними.

К вышеизложенному сюжету возникает ряд вопросов источниковедческого и телеологического содержания. Почему об избииении митр. Киприана сообщает только он сам, а летописцы безмолвствуют? На что надеялся пострадавший митрополит, описывая свои злоключения, ведь, дискредитируя фигуру московского князя, он лишил себя последней возможности занять кафедру в Москве? Была ли так сильна «монашеская партия» на Руси, что можно было надеяться на ее реальное влияние на князя?

Действительно, русские летописные источники ничего не сообщают об избииении свт. Киприана в 1378 г. Возможно, только сообщение Никоновской летописи — «Он же поиде с Москвы на Киев и тамо живяше» (ПСРЛ XI, 1897, 25) — имеет в виду рассматриваемое событие, а упоминается под 1376 г. по ошибке редактора XVI в. Других свидетельств нет. Постепенно монашеские общины стали центрами чтения, хранения и переписывания творений митр. Киприана, а значит, о главном событии, упоминаемом во втором послании, монашествующие современники знали хорошо. Вероятно, причина в том, что пока великий князь Дмитрий Иванович был жив, никто из чернецов не смел вспоминать о его неприглядном поступке, а когда он умер, митр. Киприану уже не было надобности вспоминать об этом, ведь он стал таким же приспешником для московского князя Василия Дмитриевича, каким был митр. Алексей для кн. Дмитрия Ивановича.

Второе послание, безусловно, написано эмоционально и бойко. Однако нужно отдать должное выдержке митр. Киприана, который, так сильно пострадав от князя, все же тщательно подбирает формулировки в своем тексте. С одной стороны, митрополит подчеркивает свое преданное отношение к кн. Дмитрию Ивановичу и благость своих намерений. С другой стороны, свт. Киприан последовательно осуждает все действия Митяя и великого князя с точки зрения канонов и предаёт нечестивцев анафеме. Зачем митрополит так подробно пишет о своей любви к князю и его семье? Во-первых, для того, чтобы злодеяния, причиненные ему, выглядели еще более ужасными со стороны, а во-вторых, вероятно, он надеялся, что князь изменит свое решение и позволит ему вернуться. В подобной двойственности ярко проявляется дипломатичность и дальновидность митр. Киприана. Трудно представить, насколько непросто было митрополиту писать строки о любви к князю (хоть и в прошедшем времени) после таких издевательств со стороны последнего. Митрополит Киприан — не тот человек, который дает волю эмоциям, ведь в посланиях мы не видим многочисленных и изощренных ругательств в адрес князя и бояр, а, наоборот, наблюдаем размеренное и последовательное доказательство своей правоты с помощью канонов.

Что же касается так называемой великорусской монашеской партии, то ее влияние, как кажется, несколько преувеличено. Сами игумены Сергей и Феодор попали в опалу к великому князю за свою переписку с «литвином» свт. Киприаном. Позже первый из них еще больше дискредитировал себя поручительством за сбежавшего в Византию Суздальского архиеп. Дионисия. В дальнейшем именно обещание порвать всяческие контакты¹¹ с митр. Киприаном, вероятно, было условием приближения опальных игуменов (см.: [Кадура, 2021а, 82]). Таким образом, хотя и можно допустить, что выдворенный митрополит надеялся на заступничество русских игуменов (см.: [Кадура, 2021б, 112]), следует признать, что надежды его в конечном счете не оправдались. Возможно, позже, в 1381 г., именно прп. Феодор Симоновский, став духовником князя (см.: [Кадура, 2022, 129]), убедит его пригласить свт. Киприана на митрополию, но в момент рассматриваемого конфликта влияние было невозможно.

¹¹ Которых после 1378 г. мы больше и не находим.

Итак, в инциденте с избиением свт. Киприана присутствует месть. Князь Дмитрий просто мстит Литве, даже и не собираясь выстраивать с ней дружественные отношения. Он готов отомстить в любом случае, вне зависимости от того, кто является «пролитовским» митрополитом. Личные качества митр. Киприана в данном случае не имеют никакого значения, важно, откуда он пришел и кто его поддерживает. В целом в фигуре митрополита кн. Дмитрий не видит ничего иного, кроме средства продвижения своей политики (как в ситуации с Михаилом-Митяем, свт. Киприаном и, может быть, даже отчасти со свт. Алексием).

Таким образом, промосковская ориентация свт. Алексия и прославление виленских мучеников постепенно привели к его конфронтации с великим князем Ольгердом, которая наиболее ярко проявилась в избиении митрополита в Киеве в 1358 г. Данный инцидент, помимо прочего, послужил поводом для мести кн. Дмитрия Донского 20 годами позже. Избиение митр. Киприана слугами кн. Дмитрия Донского в 1378 г., безусловно, является мезью князя Литве за избиение там его любимца митр. Алексия в 1358 г. В таком контексте данный сюжет практически не рассматривается в историографии по непонятным нам причинам. Взаимосвязь обозначенных сюжетов также подтверждается предшествующими и последующими событиями: свт. Алексий больше не посещал Литву, а митр. Киприан — Московскую Русь, пока кн. Дмитрий сам его не пригласил в 1381 г. Конечно, в 1378 г. свт. Киприан мог рассчитывать на заступничество великорусской «монашеской партии» перед великим князем, однако реальные возможности последней в тот период сильно преувеличены историками.

Источники и литература

Источники

1. Киприан (1978) — *Киприан, митр.* Второе послание (от 23 июня 1378 г.) игумену Сергию и игумену Феодору // *Прохоров Г. М.* Повесть о Митяе. М.: Наука, 1978. Прил. 1. С. 195–201.
2. ПСРЛ XI (1897) — Полное собрание русских летописей. Изд. 1-е. Т. 11: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1897. 262 с.
3. ПСРЛ XL (2003) — Полное собрание русских летописей. Т. 40: Густынская летопись. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 202 с.

Литература

4. Chodyncki (1927) — *Chodyncki K.* Geneza i rozwój legendy o 3 mgczennikach wilenskich // *Ateneum Wilenskie.* 1927. IV (13). С. 416–451.
5. Борисов (2014) — *Борисов Н. С.* Сергей Радонежский. 5-е изд. М.: Молодая гвардия, 2014. 298 с. (Жизнь замечательных людей: сер. биограф. Вып. 1463).
6. Борисов (1988) — *Борисов Н. С.* Церковные деятели средневековой Руси XIII–XVII вв. М.: МГУ, 1988. 200 с.
7. Голубинский (1900) — *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. М.: Издание Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском университете, 1900. Т. 2. 919 с.
8. Голубинский (1903) — *Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в Русской Церкви. Изд. 2-е. М.: Императорское Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1903. 606 с.
9. Дамаскин Орловский (2015) — *Дамаскин (Орловский), игум.* К вопросу о критериях канонизации святых Русской Православной Церкви: агиография и литература // *Ученые*

записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2015. № 2 (34). С. 6–14.

10. Кадура (2022) — *Кадура Н., диак.* Архиепископ Дионисий Суздальский в годы смуты на русской митрополии в 1378–1385 гг. Актуальные вопросы церковной науки. 2022. № 1. С. 128–131.

11. Кадура (2021a) — *Кадура Н., диак.* Причины изменения церковной политики Дмитрия Ивановича Донского осенью 1379 г. Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2021. № 4 (16). С. 78–83.

12. Кадура (2021b) — *Кадура Н. Д.* Позиция преп. Сергия в годы смуты на русской митрополии 1378–1385 гг. // Актуальные вопросы церковной науки. 2021. № 1. С. 111–114.

13. Костромин (2018) — *Костромин К., прот.* Прославление священномученика Исидора в XVI веке // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2018. № 2 (10).

14. Мейендорф (1983) — *Мейендорф И., прот.* Три литовских мученика: Византия и Литва в XIV веке // Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. М., 1983. № 113. С. 265–281.

15. Мусин (2013) — *Мусин А. Е.* Соборы св. митрополита Макария 1547–1549 гг.: Факт истории или факт историографии? // Сообщения Ростовского музея. Вып. 13. Ростов, 2013. С. 74–86.

16. Огицкий (1984) — *Огицкий Д. П., проф.* К истории виленских мучеников // Богословские труды. М.: Изд-во Московской Патриархии, 1984. № 25. С. 226–246.

17. Сінкевич (2013) — *Сінкевич Н. О.* «Патерикон» Сильвестра Косова: переклад та дослідження пам'ятки. К.: Фенікс, 2013. 712 с.

18. Соколов (1913) — *Соколов П. П.* Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века. К.: Тип. И. И. Чоколова, 1913. 578 с.

19. Сперанский (1909) — *Сперанский М. Н.* Сербское житие литовских мучеников. М.: Издание Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете, 1909. 47 с.

20. Чурина (2008) — *Чурина И. О.* Канонизация и почитание местных святых в истории церкви // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 3 (13). С. 156–165.